

Контуры глобального мира: обозначая будущее *

**Руслан Семенович
ГРИНБЕРГ**

член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН,
профессор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова

Не так давно профессор Колодко опубликовал книгу о проблемах мирового развития. Она переведена на несколько языков. В редакции российского издания книга называется «Мир в движении», а в буквальном переводе польского авторского варианта — «Бродячий мир». Название удачное. И точное.

Впрочем, ещё, может быть, лучше было бы «Мир в брожении» или «Бродящий мир». Не был бы исключён и «Блуждающий мир», если бы не его чрезмерно романтическая окраска. Но суть все предложенные варианты передают, на мой взгляд, куда точнее — вот и современный гуру социологии Энтони Гидденс считает, что мы живём в «ускользающем мире».

Экономика и социология сошлись в одном: устройство и функционирование окружающего мира все менее понятно, в нем все больше нелогичности и, следовательно, неопределённости. Неясность, туманность, блуждания — эти возвышенные слова и ощущения воплотились вдруг в мировой кризис, весьма жёсткий не столько сегодня, сколько по открывшимся за ним ожиданиям.

Нынешний кризис представляется предзнаменованием куда более грозным, чем Великая депрессия 30-х годов, хотя в те времена «площадь и глубина поражения» были существенно больше. Тогда природа невзгод

казалась больше количественной: для излечения достаточно было исправить какие-то пропорции, сильные нарушения которых потребовали радикального вмешательства государства, а рыночные фундаменталисты тем временем твердили — и сейчас твердят по тому же поводу — «оставьте все рынку, он сам наладит».

Похоже, ныне дело обстоит намного сложнее. Профессор Колодко, известный в мире экономист, дважды вице-премьер и министр финансов Польши, представляет экономическому сообществу новую книгу. В ней сделана попытка разобраться в происходящем, в истоках кризиса, его развитии и следствиях, причинах и отдалённых результатах.

Слегка затёртые понятия «глобализация» и «трансформация» обретают у автора многомерность и насыщенность — он даёт им новую жизнь, наделяет новым содержанием. Это справедливо: процессы эти столь интенсивны и несут столь глубокие и очевидные изменения всему человечеству, создают такие новые угрозы стабильности мирового хозяйства, что и сами они, и связанный с ними кризис, и, конечно же, вопрос «что дальше?» являются уже далеко не только предметом научного интереса — они занимают умы общественности, политиков и простых граждан.

* Вводная глава к книге: Колодко Г.В. Глобализация, трансформация, кризис — что дальше? — М.: Магистр, 2011. — 176 с.

Глобальные проблемы, на которые человечество мучительно ищет и пока не находит ответов, в одинаковой степени важны и «новой» Европе, и «старой», и Америке, и Евразии. А явная тенденция к полицентризму, усиливающаяся в современном мире, объективно ведёт к формированию высокоподвижной системы межгосударственного сотрудничества, но при этом требует качественно новых механизмов обеспечения безопасности мира и устойчивого развития его глобализирующейся экономики.

Новейшие кризисные ситуации складываются под большим, может быть, превалирующим влиянием глобализационных процессов, а потому мировая капиталистическая экономика сохраняет все меньше рациональности: дело, как пишет Г. Колодко в книге «Мир в движении», «прежде всего в отсутствии глобальных механизмов саморегуляции, которые должны защитить систему от самоуничтожения». Глобализация придаёт переплетающимся экономическим процессам весьма причудливый и сложный характер. Вот и возникает «смятение умов», полная неопределённость в отношении будущего и национальных экономик, и мирового хозяйства. На многие вопросы не появилось никаких — хотя бы даже приблизительных — ответов, и теоретические блуждания в мире современной экономики очень этой «безответственности» способствуют.

Основа основ современной экономики — экономическая философия и рождаемая ею — или её отсутствием — экономическая идеология. С некоторым риском упрощения можно сказать, что в экономической теории сложились две мировоззренческие школы: англосаксонская и германская. Англосаксонская традиция отрицает саму возможность существования любых предпочтений, не сводящихся к предпочтениям индивидуумов. Германская же традиция, наоборот, допуская наличие интересов общества как такового, признает в качестве фундаментальной основы экономической

науки категорию «коллективные потребности», такую же легитимную, как и потребность индивидуальная.

В начале прошлого века в экономической теории господствовала концепция, в которой государству отводилась роль «ночного сторожа». Но все обернулось ужасающим неравенством и закончилось биржевой катастрофой 1929 г. и Великой депрессией. Ответом стали три модели: командная советская, где упор был сделан на социальную справедливость; командная немецкая периода национал-социализма — с установкой на национальную сплочённость; англосаксонская, или кейнсианская, — сочетание частной инициативы с мощным государственным регулированием.

Национал-социалистическая и советская модели показали, как известно, свою нежизнеспособность. Кейнсианская же концепция была весьма эффективной, но и она к 70-м годам казалась исчерпавшей свои возможности — западный мир погрузился в череду кризисов. Возникла другая установка — «назад к Смиту, долой государственные интервенции и регламентации». «Апостолами» неолиберального направления стали М. Фридман и Ф. фон Хайек, а политическими выразителями — Р. Рейган, М. Тэтчер и Г. Коль.

Неолиберальная экономическая теория допускает необходимость постоянной государственной поддержки конкурентной среды в экономике — остальное сделает «по природе эффективный» рыночный механизм. Главная идея: деятельность государства должна ограничиваться и сворачиваться, постепенно замещаясь силами рынка. Идеология почти безгранично свободного рынка господствовала в экономической политике 30 лет.

К сожалению, мировая мода на дерегулирование совпала с российской перестройкой. Данные перестройкой возможности так и не были реализованы, а новая российская власть со страстью неопита ухватилась за западную «инновацию»: «рынок все отрегулирует сам».

Идеи либерализма, построенного на увлечении к свободе и демократии, к экономической эффективности и социальной рациональности, понятны и не без причины разделяемы многими. Но на одних лишь мыслях о приоритете человеческих «первородных» ценностей ничего построить, в сущности, не удалось. Об этом свидетельствует опыт стран с трансформирующейся экономикой, да и не только их. Почему? Ясно и убедительно об этом пишет Г. Колодко, оценивая такие черты экономического либерализма, как преклонение перед «невидимой рукой рынка», неадекватное понимание роли государства в экономике и социальной сфере.

Увлечение ложно понятой концепцией экономической свободы сыграло с российскими последователями доктринерского неолиберализма злую шутку: оказалось, избыток свободы способен порождать эффекты, прямо противоположные ожидаемым.

Советская система хозяйствования была во многом иррациональной. Но после того как она рухнула, вместо того чтобы начать выпускать хорошие товары, мы вообще почти перестали производить готовые изделия в промышленных масштабах. «Невидимая рука рынка» позакрывала все, что не относилось к быстрому барышу и «экономике трубы».

Либерализация государственного управления парадоксальным образом обернулась в эпоху реформ небывалым усилением бюрократии, погрязшей в коррупции из-за неразвитости институтов гражданского общества и отсутствия обоснованной модели «смешанной экономики».

Приступив к строительству новой России, реформаторы «забыли» не только производство, но и инновационный кадровый потенциал. Более того, именно средний класс, образовавшийся в СССР в 50 — 80-е годы, испытал в ходе проведения реформ глубокую экономическую и социальную травму. Подавляющая часть этого класса была выброшена на обочину социальной

жизни, а наиболее энергичные его представители покинули страну. Оказался полуразрушенным один из главных потенциальных рычагов менее болезненного перехода к социальному рыночному хозяйству и демократическому государству — творческий ресурс населения. Резкое ослабление научно-технического и человеческого потенциала — одна из тяжелейших для России и с экономической, и с социальной точки зрения потерь за все годы реформ.

К отставанию советских времен мы своею волей, а лучше сказать безволием, добавили 20 лет технологического простоя. Демодернизация российского экономического потенциала, производственного вообще и инновационного в частности, — итог последних десятилетий. В результате заметно выросла сырьевая составляющая в структуре хозяйства.

В сфере образования, которой мы всегда по праву гордились, Россия скатилась на 30-е место в мире. А вот с точки зрения «платности» обучения вышла едва ли не на первое место — весьма сомнительное достижение. По уровню же здравоохранения мы вообще опустились на 130-е место. А ведь именно эти сферы в первую очередь формируют человеческий капитал и интеллектуальный потенциал государства, без чего оно не может развиваться. Результат: современная российская экономическая реальность характеризуется примитивизацией производства, деинтеллектуализацией труда и деградацией социальной сферы.

В начале XXI в. капитализм вступил в новый этап своего развития, а мировая экономика — в сложный, турбулентный период эволюции: именно в последние годы прошлого — первые годы нового столетия резко обострилось противоречие между космополитизмом капитала и суверенитетом национального государства как формы организации общества, между процессами глобализации, в основе которой лежит либерализация самых разных форм социального и

экономического общения, их гармонизация и унификация, и политической властью, все ещё сконцентрированной на уровне государства. Нарушился баланс между традиционными государственными институтами принятия решений и новыми центрами, контролирующими необходимые для их реализации ресурсы и экономические процессы. Однако необходимость наднационального регулирования пока игнорируется эгоизмами национальных государств.

Для этих лет характерно появление и повсеместное распространение новых форм денег и новых финансовых инструментов, которые создаёт информационно-технологическая революция: модифицируется механизм мультипликации денег. Речь идёт о превращении финансовых инструментов в электронные записи и денежных потоков в потоки информации. Государственная денежная монополия ныне нарушена, часть денежного оборота выведена из-под национальной юрисдикции.

Введение системы межбанковских электронных расчетов SWIFT, создание частной компании InterSettle, через которую осуществлялись в режиме on-line с середины 90-х годов XX в. все сделки с ценными бумагами и деривативами между основными мировыми биржами, способствовали отрыву виртуальной электронно-компьютерной экономики от реальной, финансового капитала от производственного. В течение нескольких секунд огромные средства могут быть перемещены с одного банковского счёта на другой в другую страну, расположенную на другом континенте. Именно эта особенность — чрезмерная значимость финансовой составляющей экономики становится отличительной чертой «нового капитализма». При этом не существует какого-то надгосударственного органа, который бы контролировал и предотвращал неблагоприятное развитие мировой финансовой системы и мировой экономики.

Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что в результате эволюции капитализма в наше время финансовая сфера недопустимо далеко оторвалась от производства, от реального сектора экономики. Это противоречие и привело к кризису. В последние годы в развитых западных странах сформировалась сложная многоступенчатая система ипотечного, потребительского кредитования и получения прибыли за счёт финансовых спекуляций, которую обслуживали гигантские кредитно-банковские учреждения, с огромным персоналом. Оказание различных финансовых услуг превратилось в самостоятельную громоздкую, неповоротливую, плохо контролируемую и скверно регулируемую сферу деятельности, которая стала приносить обществу больше вреда, чем пользы.

В современном капиталистическом мире фактически сосуществуют две экономики: одна — экономика реального сектора, в ней создаются реальные товары и услуги, вторая — виртуальная и спекулятивная — торговля биржевыми товарами и различными ценными бумагами. Экономика реального сектора развивается по классическим рыночным законам, её целью является получение прибыли через снижение затрат и повышение качества товаров. Виртуальная же экономика развивается по законам спекуляции; её цель — нажива через спекуляции на товарных и фондовых биржах.

Разумеется, виртуальная экономика не может существовать без реального сектора: в сущности, она на нем паразитирует. Но современные крупные спекулянты научились получать огромные доходы, искусно управляя подъёмами и спадами фондового рынка, используя их в своих интересах. По разным оценкам, в современном мире только 2 или 3% денег связано с сектором материального производства. Остальные десятки триллионов долларов обслуживают сами себя. Произошла, по меткому выражению известного итальянского журналиста и публициста Д. Къезы,

непомерная и излишняя «финансификация» мировой экономики. По данным МВФ, в 2004 г. мировой ВВП составлял приблизительно 41 трлн. долл. США, а сумма капитализации фондовых рынков, государственных и частных долговых обязательств, активов коммерческих банков — 152 трлн. долл. США (соотношение этих величин составляло 1 : 3,7). В 2007 г., по оценке агентства Euronews, соответствующие показатели достигли 50 трлн. долл. США и 500 трлн. долл. США (т.е. соотношения 1 : 10).

На устойчивость мировой финансовой системы негативно повлияло использование производных финансовых инструментов (деривативов) и секьюритизация активов. Деривативы и ценные бумаги часто используются для спекуляций. Реальные объёмы глобального рынка производных финансовых инструментов оценить достаточно сложно. Примерный его объём по незавершённым сделкам, по данным Банка международных расчётов (BIS) на июнь 2008 г., составлял 766,5 трлн. долл. США. При этом более 89% (683,7 трлн. долл. США) всего объёма сделок пришлось на внебиржевой рынок (в основном межбанковский) и 11% (фьючерсы — 28,6 трлн. долл. США и опционы — 54,2 трлн. долл. США) — на биржевые площадки. Внебиржевой рынок до сих пор в мире никем не регулируется, организаторы торгов на этих рынках не несут никакой ответственности, хотя по объёму совершаемых сделок он превышает мировой ВВП более чем в 10 раз.

Как считает Дж. Стиглиц, фондовые рынки являются непредсказуемыми по своей природе. В США, к примеру, реальный сектор экономики, который действительно что-то производит, это только 15 — 18% экономики. Все остальное — финансовый сектор, услуги и т. п. Нынешняя стадия финансового капитализма — я бы назвал эту стадию «финансово-виртуальной» — порождена усилением процессов глобализации в последние два десятилетия. Постоянный

рост трансграничных финансовых операций, периодическое появление на глобальном финансовом рынке новых финансовых институтов (хеджевых, паевых, пенсионных фондов и др.) и инструментов, прежде всего структурированных производных, привело к тому, что мировое сообщество признало необходимость определённого наднационального регулирования финансовой, в первую очередь банковской, деятельности. Признало, но отнюдь не сразу.

Помимо неудач кейнсианства моду на либерализм подстегнуло и исчезновение в начале 90-х годов прошлого столетия альтернативной советской экономической системы. Началась демонизация государства.

Однако в 2008 г. стало ясно, что неконтролируемый и нерегулируемый рынок привёл мировую экономику на грань катастрофы. Неолибералы утверждали, что свободные финансовые рынки саморегулируются, самокорректируются, сами ищут равновесия. Но на деле «невидимая рука» не торопилась на помощь жертвам кризиса.

Лауреат Нобелевской премии американский экономист П. Самуэльсон в интервью газете «Die Welt» заметил, что сегодня видно, насколько ошибочна была идея М. Фридмана о том, что рыночная система может сама себя регулировать. Видно также, насколько нелепа его мысль, что правительственное решение проблемы всегда хуже самой проблемы. Вопрос состоит не в регулировании, а в решении. Теперь ясно, что, напротив, без регулирования, без участия правительства проблема только усугубляется.

Мировой финансовый кризис и очевидный крах экономического либерализма заставили вновь вспомнить Кейнса, а некоторых слабонервных — и Маркса.

Рынок как способ устройства хозяйственной жизни не имеет альтернативы, его жизнеспособность не подвергается сомнению, но его «невидимая рука» с очевидностью должна быть дополнена «видимой рукой» государства. Сегодня из глобального

финансового кризиса практически все государства мира пытаются выйти именно путём активного вмешательства в хозяйственную жизнь. Чего стоит одна накачка ликвидностью финансовой системы и частичная национализация попавших в сложное положение предприятий и компаний, наблюдаемые практически во всех странах мира. По иронии судьбы как раз американцы, призывавшие всех к свободному рынку, едва ли не первые вынужденно прибегли к фактически социалистическим мерам.

Упоение «свободной» экономикой прошло, мир устал от радикального, безудержного либерализма. Ему на смену идёт система, ещё не получившая своего «изма». Пока же очевидно, что без мощной и систематической государственной активности теперь уже не обойтись. У «нового капитализма» будут свои проблемы, и, возможно, не менее серьёзные, чем у «старого». Экономический неолиберализм не преодолел органическую слабость — отсутствие ясных критериев участия или неучастия государства в хозяйственной жизни общества. Так что мир вполне может удариться в другую крайность — гипертрофированное, ненормальное обобществление в комбинации с порочным протекционизмом.

В число наиболее приоритетных проблем современной экономики должны войти и текущий кризис, который, разумеется, сейчас первым приходит на ум, и догматизм, ответственный за многие бедствия отдельных стран и всего мира в последние десятилетия. Но центральной нерешённой проблемой я бы назвал режим взаимоотношений государственных институтов и частного предпринимательства, государства и рынка. От понимания этого вопроса, его толкования и, в конце концов, манипулирования им так или иначе зависят остальные важнейшие проблемы современной экономики и их решение.

Системный кризис лишь усугубляется от того, что его пытаются — в очередной раз — преодолеть или от него излечиться

теми же старыми способами, какие применялись, со все меньшим успехом, уже много-много лет. Но, хотим мы того или не хотим, говорить теперь надо не о том, каким образом капиталистическая система сможет, залечив новые раны, существовать дальше «в прежнем режиме», а о том, что придёт ей на смену.

В книге «Мир в движении» Г. Колодко пишет: «Для нормального функционирования экономики и быстрого сбалансированного её развития государство необходимо. Главное, чтобы оно взаимодействовало с рынком. От постоянного поиска ответа на вопрос, на чем это взаимодействие может базироваться, у нас как раз есть экономика как наука». Однако последние события в мировой экономике убедительно показывают, что взаимоотношения государства и рынка на деле гораздо теснее, чем простое «взаимодействие». Выход из кризиса потребует формирования нового понимания, развития новой модели экономики и, в частности, новой модели государственного регулирования, новых теоретических обоснований. Речь идёт о новом фундаменте, о принципиально новой модели экономики, адекватно отражающей современные социально-экономические реалии.

Очевидно, что постоянный ремонт чистой теории на основе «здравого смысла» за счет введения в стандартные конструкции все новых и новых случаев государственной активности, новых и новых аномалий ведет в тупик. Чистая теория перестала быть «чистой». Сегодня экономическая наука нуждается в революционной смене парадигмы, в переходе от методов «здравого смысла» к новому теоретическому обоснованию смешанной экономики как сочетания рынка с разнообразными формами государственного вмешательства, объясняющему аномалии, существующие в ортодоксальной теории.

Г. Колодко полагает, что ответом на вызовы нового этапа экономического развития может стать новая теория роста и раз-

вития, названная им *теорией стечения обстоятельств развития*. Он — совершенно справедливо — призывает отказаться от идеологической зашоренности в разработке теоретических концепций и тем более мероприятий экономической политики, настойчиво обращая внимание читателя на множественность складывающихся в экономике разных стран положений в зависимости от времени, страны и других обстоятельств, которые практически исключают возможность не то что шаблона, а хотя бы разового повторения в практических мероприятиях по решению конкретных, «здесь и сейчас», проблем хозяйства.

Предлагаемый метод автор называет новым прагматизмом — огрубляя его подробное описание, можно сказать, что подразумевается возможно более полный учёт всех обстоятельств, составляющих и окружающих сложившуюся в экономике данной страны в данное время ситуацию, включая причины, цели, ресурсы, имеющиеся инструменты, уровень экономики, социальную атмосферу и т. п., и на базе такой подготовки разработка и выполнение мер экономической политики. Против такого подхода трудно возразить, но только он мне кажется возможным разве что для далёкого будущего. Сегодня политические реалии, непомерная разница в жизненных условиях, душевых доходах, культуре потребления и проч. будут порождать бесконечное количество девиаций от благоразумных намерений, — разве не это мы наблюдаем в ходе «антикризисных мероприятий», — и в результате все получится «как всегда». Да автор и сам такую возможность фактически признает.

Как бы то ни было, важный урок кризиса — в том, что миру нужна новая, менее болезненная и построенная на большей интеграции и солидарности стран и идей модель развития. Достижимо ли это? А главное, какие активные подходы — по сравнению с очень пассивным, не поддаю-

щимся воздействию и совершенствованию «стечением обстоятельств» — обеспечивают желаемые результаты?

Надеюсь, такие результаты могла бы дать разрабатываемая мною совместно с профессором Рубинштейном *концепция экономической социодинамики* (КЭС) (подробнее см.: Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. М., 2008. — 476 с).

Смысл её сводится к признанию существования наряду с частными предпочтениями групповых интересов. Но если частные предпочтения индивидов выявляет рынок, то предпочтения общества в целом в рыночном процессе не участвуют — они определяются политической системой, общественными институтами. Очевидно, что интересы, выявляемые политической системой, не могут быть сведены к предпочтениям индивидумов, выявляемым рыночным путём. При этом каждая ветвь общественных интересов претендует на определённый объём ресурсов, необходимых для их реализации. Формируемые по разным законам и в различных институциональных средах, эти интересы вступают в состязание лишь на стадии их реализации — в борьбе за обладание ограниченными ресурсами.

Суть концепции заключается в возможности гармонизации социальных интересов и индивидуальных предпочтений. Государство как исполнительная власть само является рыночным субъектом, чьё поведение определяется его специфическими интересами и имеющимися ресурсами. Существуют обычные рыночные игроки, располагающие собственными ресурсами и действующие по правилам, устанавливаемым государством. А есть государственные структуры, которые используя общественные ресурсы действуют по правилам, которые само же государство как законодательная власть и установило. Таким образом, концепция экономической социодинамики предлагает совершенно новую, оригинальную трак-

товку понятия «смешанная экономика», отнюдь не сужая, а, наоборот, расширяя сферу действия механизмов рынка, «оттеняя» совместимость частной инициативы и государственной активности.

Экономическая социодинамика — не просто теоретическая конструкция. Она даёт практическую основу для деятельности государства, связанной, в частности, с финансированием социальной сферы, и сегодня вполне способна дать ответ на многие актуальные вопросы хозяйственной жизни страны. В КЭС ключевой категорией является «социальная полезность» блага, которая обосновывает объективную необходимость не спорадического, а систематического общественного финансирования культуры, науки, здравоохранения, образования.

Современная же экономика России, рыночная, но асоциальная, ориентирована на сиюминутную прибыль при практически полном забвении и игнорировании общественного интереса. Есть множество критически нужных обществу вещей, которые рынку не интересны — они не дают немедленной прибыли. Но и здорового общества без них не бывает. Наука, образование, культура, здравоохранение — четыре основные позиции, которые должно опека́ть и в значительной мере финансировать государство — больше никому. Только оно способно создать порядок, при котором работающий поддерживает безработного, здоровый — больного, молодой — старого. При советской власти доминировал очень, как выяснилось, утопический лозунг: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Но лозунг сегодняшнего дня — «Думай только о себе» — социальной стабильности и экономической модернизации отнюдь не способствует.

Судьба страны зависит от того, как будут решаться проблемы энергетики, жилищно-коммунальных систем и доступного жилья, уровня и качества жизни, здравоохранения и демографии, обороноспособности. Только эти проблемы необходимо будет решать при все меньшем «запасе прочности».

Концепция экономической социодинамики коренным образом меняет понятие «государственная активность»: на место «государственного вмешательства» приходит равноправное участие государства в хозяйственной жизни страны, а место столь негативного «бюджетного бремени» занимают социально обоснованные и целесообразные государственные расходы на реализацию общественных интересов, представляющие собой инвестиции в человеческий капитал.

В одну из ключевых для экономической самостоятельности и безопасности России превратилась проблема инновационного развития. Сегодня мир по-прежнему разделен, но уже не идеологией, а технологией. Способности генерировать новые знания, быстро трансформировать их в новые разработки, товары и технологии становятся главным условием экономического роста, могущества и конкурентоспособности бизнеса и национальной экономики в целом.

Только модернизация российской экономики, диверсификация её реального сектора может служить материальной базой долгосрочной стратегии социально-экономического развития страны. Без производства, без реального сектора мы не выживем как держава. И главная проблема — перестройка технологической основы экономики.

Экономическая реальность демонстрирует, что в принципе невозможно войти в группу лидеров современной глобальной экономики, не имея «машиностроительного ядра саморазвития» — набора машиностроительных отраслей, обладающих способностью, с одной стороны, своим совместным действием воспроизводить самих себя, а с другой — создавать орудия труда для других отраслей машиностроения, в том числе для отраслей ВПК и для всех остальных секторов народного хозяйства. Индустриально развитые страны, выводя некоторые машиностроительные отрасли в страны второго и даже третьего эшелонов, по машиностроительному ядру саморазвития сохраняют независимость.

Поэтому претензии России на глобальную роль в мировой экономике осуществимы лишь при наличии такого технологически передового машиностроительного ядра, даже если оно будет недостаточно эффективным с точки зрения сравнительных конкурентных преимуществ. Здесь требуются не узко экономические, чисто рыночные критерии, а политико-экономические императивы. Не должны вводить в заблуждение всякие ссылки на «постиндустриальные» тенденции. Доля продукции машиностроения и металлообработки в развитых странах составляет 30 – 50% объёма продукции промышленности, в то время как в России – 19%.

Результатом отставания машиностроительного комплекса России является тенденция к физическому и моральному износу производственно-технологической базы её экономики. Ухудшаются перспективы перехода к инновационному типу развития: инновации внутри страны становятся некому потреблять, исчезают отрасли, способные трансформировать их в продукцию конечного потребления. Наконец, неизбежно начинает формироваться технологическая несовместимость российской экономики с индустриально-развитыми странами.

В Китае, как и в России, поставлена задача в ближайшие годы перейти на путь инновационного развития. По целому ряду показателей Китай демонстрирует бурные темпы инвестирования в науку и технологии, создание инновационной инфраструктуры. По некоторым оценкам экспертов, инновационный рывок Китая вполне может вывести его в число лидеров будущего мирового экономического порядка. Если в России создание национальной инновационной системы и дальше пойдёт «самотеком» в соответствии с взглядами представителей рыночных фундаменталистов, страна может упустить исторический шанс модернизироваться и рискует оказаться зажатой в геополитические тиски между новыми техноло-

гическими гигантами с запада (Евросоюз, США), юга (Индия) и востока (Китай, Япония, Южная Корея).

Однако политические элиты России пока не могут превратить все ещё значительный научный потенциал страны в фактор развития. В России до сих пор сохраняется огромный объем знаний, не оценённых экономически и не вовлечённых в научно-технический и хозяйственный оборот. Несмотря на определённые положительные сдвиги в государственной экономической политике, принятие новой, трёхлетней системы планирования федерального бюджета, продолжается политика финансового накопительства и огромных финансовых изъятий из экономики, перевода потенциальных инвестиционных ресурсов в зарубежные финансовые активы. Но ведь сегодня только 8 – 10% роста российской экономики достигается за счёт роста высокотехнологичных секторов (в высокоразвитых странах – до 60%, в США – до 80%); доля России в наукоёмком экспорте не превышает 0,5%; доля расходов на науку в ВВП – 1,5% – не сопоставима с теми же показателями для современных высокоразвитых стран Запада, Японии, а в последние годы и Китая. Следует отметить, что доля накопления в российском ВВП составляет менее 20%. Это чрезвычайно мало для страны, которая претендует на ускорение развития. Здесь нижний порог доли накопления – 25 – 30%, но и этого недостаточно для инновационного прорыва.

До недавнего времени у нас царилло убеждение, что государство вообще ни во что не должно вмешиваться. Промышленная, структурная политика считались чем-то отсталым и заскорузлым. К счастью, перестаёт быть модной мысль, что модернизация российской экономики наступит сама по себе, от активизации рыночных сил саморегулирования, и сегодня усилия руководства страны направлены на институциональное строительство и создание благоприятного инвестиционного климата.

Однако для меня очевидно, что один только инвестиционный климат, если он будет создан, даже идеальный — с 2 — 3%-ной инфляцией, независимым судом и полным отсутствием коррупции, не поможет преодолеть наше отставание.

Наивно полагать, что высокотехнологичные производства, способные на равных конкурировать с импортом, появятся в России сами по себе, рыночным образом — без государственной поддержки наукоёмкого производства не обойтись. Частный бизнес просто не будет этим заниматься — слишком велики затраты и риски. Долговременные вложения нужны обществу, но обременительны для рынка. Возлагать надежды на «инновационную» иностранную помощь — проявление вопиющей рыночной безграмотности: зарубежным инноваторам не нужны конкуренты.

Поэтому государство, чтобы преодолеть близорукость рынка, само должно действовать на нем в качестве полноправного субъекта, своими «длинными» бюджетными деньгами финансируя инфраструктурные объекты, приоритеты структурной политики и, главное, — интеллектуальный потенциал нации. В теперешней России нет недостатка в молодых, образованных, творческих людях. Задача государства — дать им возможность проявить себя.

Между тем, для того чтобы производство могло нормально развиваться, нужно наладить оптимальный механизм регулирования экономики: добиться правильного сочетания частных инициатив и государственной активности.

В XX в. Россия невольно помогла Западу стать социальным и сознательно помогла Китаю стать промышленным. А сама утрачивает сегодня и социальность, и промышленность.

Для решения проблем страны и конкретного человека не придумали ничего нового, кроме проведения государством структурной

политики и массивованного финансирования инфраструктурных проектов. В России есть промышленные анклавы, которые ещё способны приблизиться по эффективности и капиталу к зарубежным аналогам. И надо сосредоточить внимание именно на таких отраслях.

И теория, и практика указывают на три разумных мотива активного участия государства в формировании структуры экономики. Первое — поддерживать то, что можно поддержать, — потенциально конкурентоспособные производства. Затем — для неудачников: переучивать и платить пособия рабочим, а затем закрывать неконкурентоспособные производства. И третье — всяческая поддержка производств, работающих на безопасность страны.

Процессы модернизации, как показывает исторический опыт, всегда сопровождались активным государственным регулированием. Сегодня инновационные процессы требуют развитой системы экономического предвидения, сценарного прогнозирования, развитых институтов формирования и реализации долгосрочной стратегии развития. Между тем за последние 15 лет практически утеряна система долгосрочного прогнозирования на 10—15—20 лет; лишь с 2008 г. введена практика краткосрочного 3-летнего планирования федерального бюджета. Постепенно утрачивается программно-целевое планирование.

Практика управления приоритетными национальными стратегическими проектами пока не сформировала устойчивых институтов и идёт скорее в режиме «ручного управления», испытывая на себе все недостатки сложившейся практики государственного администрирования, включая высокую степень коррумпированности госаппарата.

Проверенный способ обновления материальной базы экономики — структурная политика: установление государством

приоритетных направлений экономического развития и применение адекватных средств их реализации. Но очень важно определиться с критериями отбора приоритетов. Здесь есть свои особенности.

Во-первых, вряд ли существует совершенный и не зависящий от субъективных устремлений механизм определения приоритетов структурной перестройки экономики. Как нет «совершенного» рынка, обеспечивающего оптимальную аллокацию ресурсов, так нет и идеального, «научно обоснованного» государственного механизма выявления потребностей общества в той или иной структуре экономики. Однако чем демократичнее общество, тем при прочих равных условиях быстрее будет замечена ошибка в расстановке приоритетов.

Во-вторых, в приоритеты структурной и промышленной политики следует закладывать те направления развития, применительно к которым Россия ещё сохраняет конкурентные преимущества — реальные или теперь уже в большей мере потенциальные.

Этот вопрос в целом подлежит тщательному системному изучению с участием научных коллективов, включающих представителей экономических и естественных дисциплин.

В-третьих, ряд приоритетов современной промышленной политики должны носить не отраслевой, а межотраслевой характер. Такие проекты обычно характеризуются высокой степенью затратности, большими инвестиционными рисками и, разумеется, длительным производственным циклом. Иначе говоря, они не могут быть осуществлены без систематической господдержки из-за «слабых рыночных стимулов». Нужно только помнить, что именно способность производить подобные системы удерживает ту или иную страну в ряду ведущих мировых индустриальных держав.

Эффективная структурная политика для современной России не имеет альтерна-

тивы. Только с её помощью в стране может быть сформирована конкурентная экономика инновационного типа. Хватает и возможностей.

После начала реформ нам были дарованы три экономические «улыбки Фортуны», три удобные возможности для радикальной модернизации. Первый шанс дала горбачевская перестройка. Но Горбачев не успел, первая «улыбка» осталась незамеченной. Вторая — сверхдоходы последних лет от продажи углеводородов. Однако неожиданные колоссальные суммы, буквально упавшие с неба, пошли на покрытие потерь от алчности и бесхозяйственности «новых капиталистов». Деньги затрачены. Но ни о какой модернизации речи не велось. Сейчас кризис — это для нас и испытание, и вместе с тем ещё одна, третья и, возможно, последняя из дарованных нам «улыбок». Мощности предприятий стран Европы простаивают. Высококачественные машины и оборудование, новейшие технологии не находят покупателей. Во всем этом как раз сейчас остро нуждается российская экономика, и нам готовы все это продавать, и продавать недорого. Дело за нами. Нужна инвентаризация всего нашего научно-технического потенциала, а затем программа его обновления, в том числе с помощью Евросоюза.

Отношения ЕС с Россией во всех «нехозяйственных» сферах могут обрести совсем иную, чем сейчас, тональность, если подобные сделки состоятся и расширятся в послекризисные годы — на это есть все шансы. Прочные и постоянные экономические связи всегда служили отличной основой для укрепления взаимного доверия для дальнейшего всестороннего сближения и интеграции, если не де-юре, то уж по крайней мере де-факто.

Этот предполагаемый процесс обнаружил бы, мне кажется, так много областей для сближения, что абсурдом показался бы возврат к какой-либо конфронтации.

И, напротив, совершенно естественным стал бы совместный выход Европы и России на формирование и закрепление нового мирового финансового и экономического порядка для строительства новой международной системы управления мировыми финансами. Отсюда открываются и новые перспективы для дальнейшего расширения всестороннего межрегионального сотрудничества.

Сегодня главный наш интерес вызывает вот какой вопрос: что за облик у капитализма ближайшего будущего, каковы его структура и очертания, на каком теоретическом базисе и практических навыках он будет строиться и трансформироваться (или модернизироваться)?

В ответах заинтересован весь мир, но практический шаг сделал, похоже, пока один только президент США Барак Обама.

Суть его действий заключается в усилении контроля над спекулятивными финансовыми операциями. Он делает ставку на приоритетное финансирование образования и науки, обновление и без того достаточно современной инфраструктуры.

Его цель проста: сохранить, насколько возможно, ставшее привычным лидерство США. В мире «автономных» финансовых операций и неконтролируемых деривати-

вов сделать это будет намного труднее, если вообще возможно.

Все ли получится у американского президента, будет ли он распространять свою линию трезвой экономической политики на мирохозяйственные связи — вопрос недалёкого будущего. Пока понятно, что, несмотря на пляску «рейтингов популярности», Обама — тот человек, который сегодня спасает будущее Америки. Недаром к нему — с большим, правда, отрывом, — присоединились Франция и Германия. Менять политику придётся и другим странам, но — совсем не в русле американского пути: у каждой страны свои мотивации, свои обстоятельства.

В заключение вернусь к вопросу, вынесенному в название книги: что дальше?

Всем нам приходится жить и работать в очень непростое время. Самое глупое в этой ситуации — впадать в панику и запугивать друг друга всякого рода жуткими сценариями «конца света». Многие, даже самые суровые, обстоятельства несут не только угрозы, но и дают шансы, которые при искреннем желании сотрудничающих сторон можно обратить на пользу им всем. И нынешняя политическая и экономическая обстановка и у нас в стране, и в мире в целом к этому вполне располагает.